

Вон Чангён

НЯНЯ

ИЗ ЧЕРНОГО

ДОМА

INSPIRIA

Москва

УДК 821.531-312.4
ББК 84(5Кор)-44
В73

Won Jang Kyoung
BABYSITTER

Copyright © Won Jang Kyoung 2025.
Original Korean edition published by Sam & Parkers Co., Ltd.
Russian translation rights arranged with Sam & Parkers Co., Ltd.
through EYA (Eric Yang Agency).

Вон Чангён.

В73 Няня из черного дома / Вон Чангён ; [перевод с корейского Н. Приймак]. — Москва : Эксмо, 2026. — 288 с. — (Ток. Азиатская головоломка).

ISBN 978-5-04-235431-1

Всего два дня работы. Очень щедрое вознаграждение. И одно странное условие: не подходить к ребенку — только наблюдать издали...

Сирота Ин Чухэ соглашается стать няней восьмилетнего Хёгу в роскошном доме, похожем на черную крепость. Хозяева безупречно вежливы, требования — до смешного просты. И вот Чухэ уже знакомится с Хёгу. Она сразу понимает, что здесь что-то не так. Перед ней явно не обычный мальчик, хотя родители изо всех сил пытаются это скрыть. Слишком умный, слишком самоуверенный, слишком самостоятельный, слишком жестокий. Но самое худшее ждет ее впереди — вскоре девушка обнаружит, что дом, в который она попала, вовсе не только место для жилья...

УДК 821.531-312.4
ББК 84(5Кор)-44

ISBN 978-5-04-235431-1

© Приймак Н., перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Пролог

Тук, тук, тук.

По округе разносился звук, с которым нечто острое вспарывает землю. По звуку было не определить, что это за место: кладбище или детская площадка. Стоял безветренный весенний денек, в беззаботных солнечных лучах усердно трудилась маленькая тень. Лето еще не наступило, но земля уже успела достаточно прогреться на солнце, чтобы обдавать жаром. Лучи плясали на острие лопатки, будто нарочно подчеркивали ее новизну. Пока та, в свою очередь, была поглощена работой в саду без единого цветка.

Лопатка зарывалась в грунт и с шумом разгребала его. Ни ветра, ни дождя — лишь запах почвы и звук удара инструментом по земле, сопровождаемый дыханием. Скрюченная рука, крепко вцепившаяся в лопатку, вся вымазалась в бурой земле, налипшей на пот и кожный жир, словно кровь. Ребенок ковырял землю с рвением расхитителя гробниц. Груда сухой земли вперемешку с влажной продолжала расти. Время от времени она осыпалась, но малыш не обращал на это внимания и молча продолжал трудиться, пока солнце светило ему в спину. Лицо его было невозмутимым, на подбородке собрались капельки пота.

Наконец малыш вытащил наружу дождевого червя. Он безразлично взял его и бросил к своим ногам. Червь извивался, всем своим тельцем сообщая, насколько сильно ему неприятен солнечный свет. Разбросанные по земле кусочки печенья липли к дрожащему беспозвоночному, образуя единую массу.

Ребенок немного понаблюдал за червяком, а затем без колебаний обрушил на него лопатку. Тот вмиг разделился надвое. Малыш продолжал наносить удары совком с холодным взглядом хирурга во время операции. Свежая земля и останки червя липли к земляной корочке на его руках. А солнце все так же беспечно освещало его затылок.

Как только новоиспеченная жертва была подготовлена к употреблению, цыпленок подошел ближе, дергая головкой.

— Вот, значит, как тебя можно приманить, — тихо пробормотал мальчик, глядя на него.

Птенец как ни в чем не бывало стал клевать мелко разделанного червя. Ребенок гладил желтый пушистый комочек, внимательно наблюдая за тем, как это маленькое живое существо с жадностью поглощает еду. Цыпленок был сосредоточен на пище, не испытывая страха к детским рукам, что ее дали. Лишь двигал вперед-назад своей крохотной желтой головкой.

Пальцы мальчика медленно опустились на шею птенца. До сих пор лицо его оставалось абсолютно бесстрастным — теперь же уголки губ дернулись.

Солнце светило все так же ярко.

Часть I

«ПРИСМОТРИТЕ ЗА НАШИМ СЫНОМ»

— **М**ожете присмотреть за нашим сыном?
Когда я впервые услышала это, внезапно все звуки и предметы вокруг исчезли, словно меня выбросили в открытый космос. Только бешеный стук сердца гулко отдавался в ушах и белый свет бледно мерцал где-то вдалеке.

* * *

Когда я впервые оказалась в нашей районной церкви, больше всего меня поразило то, что там раздавали еду. Раньше я считала, что это место лишь дарует успокоение душе, но, как оказалось, оно настолько пышет милосердием, что позволяет утолить даже голод. И все же в первый раз мне не хватило ни смелости, ни стыда, чтобы с охотой принять это милосердие. Понадобилось довольно много времени, чтобы я начала там питаться.

Когда ты голоден, разнообразность блюд и их вкус теряют всякий смысл. Один только рис с закусками уже был для меня божьей благодатью. Иногда давали лапшу или рисовые пирожки, и мне было немного обидно, но вовсе не из-за того, что меню мне было не по душе. Просто живот набивался слишком быстро. Забрать остатки еды я себе позволить не могла, вместо этого лишь клялась.

«Я обязательно вам отплачу».

И, принеся клятву, съедала все подчистую. Для меня это было сродни шведскому столу.

А в один из таких дней накрыли настоящий шведский стол.

В центре вестибюля сверкала расставленная в ряд посуда. Поначалу я даже не поняла, что это такое. Когда-то в детстве я бывала на таком мероприятии вместе с родителями, но воспоминания эти столь давние, что казались сном. Глядя на те сияющие тарелки, я подумала: это место наполнено светом. Не в этом ли сиянии Божья милость?

Одновременно с этим в моей голове носились совершенно другие мысли. Меня волновало не то, что из этого всего вкуснее, а что нужно урвать, чтобы наестся и продержаться без еды как можно дольше, хотя бы дня два. Мое лицо, отразившееся в этих гладких тарелках со шведского стола, выглядело крайне серьезным.

В отдалении пастор беседовал с женатой парой, которую представил накануне во время службы. Тогда он точно назвал их «благодетелями, дарующими свет нашей церкви», но я, разумеется, не особо вслушивалась. Даже то, что шведский стол подготовили именно они, мне стало известно спустя время. В тот момент меня волновало только одно — необходимость во что бы то ни стало разобраться с проблемой пропитания на день.

Внезапно три пары глаз — пастора и супругов — одновременно уставились на меня. Я тут же напрягла лицо в страхе, что на нем отразится хоть одна эмоция. У меня даже уголки губ задергались. Я так и стояла, застыв на месте, когда заметила улыбку на лице женщины. Мои глаза забегали из стороны в сторону, затем я вежливо

кивнула и тут же отвернулась. Я все так же ощущала на себе их взгляд, но упорно делала вид, что не замечаю.

Я села за стол, набрав целых две тарелки различных мясных блюд — потому что мясо медленно переваривается, — и только тогда ощутила, что все мои текущие переживания развеялись. Правду говорят: живот крепче — на сердце легче.

Стоило мне с энтузиазмом направить кусочек вареной свинины себе в рот, как вдруг передо мной выросли три тени. Супруги подошли ко мне в компании пастора и теперь разглядывали меня с большим любопытством. Пастор представил их, и я судорожно склонила голову в знак приветствия. Так или иначе, наша первая встреча ничем не отличалась от других.

Тогда я впервые вблизи рассмотрела мужа — Со Помсу: хоть он и казался одного роста с женой или даже чуть ниже, чем она, это никак не умаляло его достоинства благодаря твердости и надежности во взгляде. Внешность его вписывалась в стандарты мужской красоты: густые прямые брови, под стать им большие глаза с четким двойным веком¹, круглая, как яйцо, аккуратная линия подбородка и тонкие длинные губы, стройный симметричный нос. При этом красота мужчины смешивалась с красотой юношеской, которая придавала ему страсти, отчего Со Помсу производил впечатление человека целеустремленного, обладающего изрядным упорством.

У его жены Чин Игён были тонкие брови домиком и узкие глаза; когда она улыбалась, ее в достаточной мере пухлые щеки приподнимались, нос морщился и появлялись натуральные ямочки, что очень ей шло. У нее

¹ В Южной Корее крайне популярна операция по изменению разреза глаз, после которой возникает эффект двойного века. — *Прим. ред.*

были густые, но при этом мягкие вьющиеся волосы до плеч, ровная бронзовая кожа, пухлые подвижные губы, угловатый, как у иностранки, подбородок, придававший ей экзотичности, которая странным образом отлично гармонировала с восточными чертами, что проявлялись в приподнятых уголках губ и сощуренных глазах, когда она улыбалась. Ровные зубы, проглядывающие сквозь широко раскрытый рот, также свидетельствовали о ее тщательном уходе за собой. Вдобавок ко всему она выглядела дорого и роскошно благодаря достаточно свободным джинсам и тренчу. Иными словами, она показалась мне человеком недоступным.

Они не то чтобы отлично дополняли друг друга — скорее каждый из них был по-своему привлекателен. К тому же они сильно выделялись из толпы, и не только из-за одежды: все дело в выразительном взгляде, который просто невозможно описать словами.

Уловив уникальную, необъяснимую ауру, я долгое время тупо глядела на них. Женщина заговорила первой:

— Еда пришлась вам по вкусу?

А я ведь даже ничего толком не попробовала. Ее поставленный голос, какой можно услышать в сериалах, заставил меня невольно съежиться и оторопеть. Палочки для еды уже давно покоились на столе.

Пастор между тем перешел от красноречивой похвалы в сторону супругов, которых величал «директором» и «госпожой», к похвале в мою сторону. Если вкратце, он поведал, что, хоть я и потеряла обоих родителей, все же не растеряла своей стойкости, выросла достойным человеком и даже поступила в лучший в Корее университет, каждую неделю прихожу в церковь и проявляю себя как верная прихожанка, за что получаю особое внимание от старейшин, а потому являюсь идеальным кандидатом на

получение финансовой помощи. И ему стоило только одного взгляда, чтобы понять, что супруги как нельзя лучше подходят на роль спонсоров.

Слово «спонсоры» ненадолго выбило меня из колеи. Уж не знаю, что я такого сделала или что особенного увидел во мне пастор, чтобы говорить обо мне подобным образом, и все же наравне с благодарностью я почувствовала укол совести за то, что в приходской книге — или как она там называется — написала о себе чересчур откровенно.

Ситуация, как ни крути, постыдная; тем не менее пастор все продолжал и продолжал меня нахваливать, а мне, напротив, было так стыдно, что хотелось сбежать. Однако я не могла просто взять и уйти, оставив здесь всю эту еду. Поэтому я сидела с закрытым ртом, не притрагиваясь к палочкам, лишь то и дело бросая взгляд на блюда перед собой.

Госпожа скосила глаза на мои тарелки и широко улыбнулась. На губах ее отразилась особая беззаботность.

— Полагаю, вы очень любите мясо?

Эти слова привлекли внимание пастора и директора к моим тарелкам. В тот момент — честно — я чуть не сбежала. Но потом решила, что не могу бросить еду просто так.

— Боже, да вы у нас заядлый мясоед, — с легкой улыбкой и теплотой в голосе пошутил Со Помсу.

Голос у него был неглубокий, но низкий, отчего звучал мягко и спокойно. Поэтому издевки или насмешки в его словах не чувствовалось, скорее наоборот, от него исходило дружелюбие — про такой голос обычно говорят, что он успокаивает детей.

Я долго не знала, что сказать, но в итоге выдавила:

— Мясо медленно переваривается, поэтому меньше хочется есть...

То, что я сокращаю траты на еду, я решила оставить при себе. Снова вместо пищи пришлось глотать слова.

— Верно, голод — штука ужасная, — кивнул директор Со.

— Конечно, еду нельзя воспринимать как должное.

Между супругами царило полное взаимопонимание. Беседа резко сменила направление, и зашла речь о том, как было бы здорово, существуя на свете таблетка, содержащая все необходимые питательные вещества, и что уже сейчас разрабатываются похожие продукты.

Внезапно, будто острым ножом разрубив пространство, раздалось мощное вступление «Кампанеллы»¹ в исполнении скрипки. Звонил телефон госпожи. Едва знакомая мелодия перехватила мое внимание, женщина поставила телефон на беззвучный режим, а затем так же невозмутимо перевела взгляд обратно на меня.

— Мы окажем вам финансовую поддержку, но не безвозмездно. Вам нужно будет кое с чем нам помочь.

Никогда бы не подумала, что словосочетание «финансовая поддержка» может прозвучать столь легко, как уже подтвержденный факт. Сегодня я пришла в церковь лишь затем, чтобы поесть, и при всей заинтересованности меня не покидало чувство беспокойства и опасения.

— Задача довольно простая.

Я никак не ответила, лишь вопросительно уставилась на госпожу. А она тем временем продолжила разговор с беззаботной улыбкой:

— Можете присмотреть за нашим сыном?

¹ «К а м п а н е л л а» (ит. «La campanella») — один из этюдов по Паганини венгро-немецкого композитора Ференца Листа, написанный в 1851 году. — Здесь и далее, кроме особо обозначенных случаев, — прим. пер.

Стоило ей произнести эти слова, и мой разум вмиг потух, будто кто-то вырубил электричество. Будто кто-то нажал на спусковой крючок, припрятанный где-то глубоко-глубоко внутри, и все, что я с таким усилием пыталась забыть — нет, то, что, как я думала, у меня получилось забыть, — разом накрыло меня, как цунами.

Смех, похожий на шум весеннего ветра в тростниковых зарослях, бирюзовые глаза, по цвету напоминающие близлежащее озеро в летнюю пору, отливающие золотом волосы, что сияли ярче осенних колосьев тростника, и маленький мальчик по имени Лиам. Я старалась подавить поток воображения. Но воспоминания приходили одно за другим вопреки моим усилиям. Как маленькая фигурка рванула вперед меня, как бледное тело рухнуло навзничь поодаль.

Я думала, что все само собой наладилось. Верила, что за прошедшие два года все эти бесконечные выкрики, пинки и взмахи кулаками в пустоту сделали меня сильнее. Была уверена, что смогу прожить этот дарованный мне вполне длинный отрезок времени наравне с другими людьми. Что смогла преодолеть случившееся и телом, и душой. Однако теперь я осознала, что все это был лишь неглубокий транс, в который я сама себя ввела. Пусть моя физическая оболочка окрепла, но в душе меня все так же пробивала дрожь.

Я потрясла головой, чтобы прогнать образ Лиама из головы. Крепко зажмурившись, я снова открыла глаза, но зрение так и не прояснилось. По позвоночнику струился пот. Голову ошпарило, ребра бросило сначала в холод, затем в жар, веки и макушку защищало. Я определенно была с открытыми глазами, но казалось, будто они закрыты.

Когда я пришла в себя, все трое смотрели на меня с испугом. Пальцами я теребила молнию на худи, то расте-

гивая, то вновь застегивая ее. Следовало бы как-то объяснить, но нужных слов не находилось. В конце концов единственное, на что я оказалась способна, — это тихонечко поклониться, схватить сумку и уйти. Потом у меня еще долго не получалось выбросить из головы еду, что так и осталась на тарелках.

Мне бы хотелось воспринимать это не как побег. Просто сейчас в моих силах лишь идти по заданному пути. Просто я не могла принять их предложение. Просто я не из тех, кому можно поручить своего ребенка. Просто мне не положена финансовая поддержка. Верно, все дело лишь в этом.

Я брела вперед, крепко прижимая к себе рюкзак. Даже не стала натягивать его на плечи, только глядела прямо перед собой и переставляла ноги. Вдруг со мной поравнялась дорогушая на вид черная машина. Стекло со стороны водителя медленно опустилось.

Директор Со высунул голову из окна.

— Ох, мы, должно быть, слишком скоро перешли к делу, — сказал он.

Мужчина улыбался, но у меня не хватило смелости взглянуть ему в глаза.

В итоге я опустила глаза в пол и ответила:

— Вы наверняка были удивлены, просто...

Не останавливаясь, не сбавляя скорости, не ускоряя шаг, глядя только прямо перед собой, я еле выжала из себя остаток фразы:

— Я не смогу. Извините.

Мне хотелось добавить, что проблема не в них, но слова застряли в горле. Я все так же не отрывала глаз от земли, шла вперед, то открывая, то закрывая рот, затем вздохнула.

Вдруг послышалось, как открылась дверь авто. Затем последовала череда взволнованных причитаний дирек-

тора Со: «Ох, дорогая, ты чего, аккуратнее!» В испуге я обернулась: госпожа норовила вылезти из движущейся машины. Водитель резко затормозил, после чего женщина обогнула машину и встала передо мной.

— Потому-то мы и встретились. — Она легонько сжала мои плечи и, вскинув глаза к небу, произнесла: — Он связал нас. Дал еще один шанс.

Взгляд ее, направленный на меня, был пронзительным настолько, что буквально впивался мне в мозг. Я не могла ни поддержать зрительный контакт, ни уклониться от него. В попытке избавиться от страха в собственных глазах я усиленно заморгала, изо всех сил сосредоточившись на дыхании.

— На то он и Господь. Постоянно нам что-то подает.

Со Помсу тоже вышел из машины и поддержал мысль жены, стоя на полшага позади нее. Их реплики естественным образом дополняли друг друга. Насколько не разлей вода они были. Не знаю почему, но мне показалось, будто все это игра по хорошо прописанному сценарию.

Госпожа дала мне немного времени, чтобы я вышла из оцепенения, а затем заговорила снова:

— Он дарует нам возможность продержаться, силу преодолеть все трудности.

— Вне зависимости от того, что именно произошло, — вновь закончил мысль жены директор Со.

Наконец взгляд женщины уловил мой. Я почувствовала, как он будоражит мой мозг и проникает в самую его глубь.

Мне стало нечем дышать. Как бы я ни пыталась вдохнуть, кислород внутрь не поступал.

Кхе... кхе... Я продолжала стоять на месте и задыхаться. Госпожа спешно вцепилась в меня и потрясла. Она несколько раз спросила, в порядке ли я, но у меня